

Анатолий Гусев

12+

Рейд к крепости Дейдади

Анатолий Алексеевич Гусев Рейд к крепости Дейдади

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62454186

SelfPub; 2020

Аннотация

Первый разведывательный рейд Л. Г. Корнилова на территорию Афганистана.

К фельдшерскому пункту 1-го Таманского полка Закаспийской области подъехали на жеребцах алха-текинцах пятеро туркмен. Они одеты в синие полосатые халаты, на головах чёрные курчавые папахи, на поясе клыч (кривая сабля), за кушаком нож-бичак, за плечами кавалерийский карабин, на плечах погоны. Это воины Туркменского первого дивизиона вернулись из разведки. У одного, маленького невзрачного туркмена левая рука чуть ниже плеча перебинтована какими-то тряпками, пятно засохшей крови на них. Он лихо спрыгнул с коня и весело крикнул младшему фельдшеру Ивану Сорокину:

– Эй, фельдшер, найдётся, чем помазать и замотать по-лучше. Зацепило вот малость.

Иван узнал в этом туркмене подполковника Лавра Георгиевича Корнилова.

– Конечно, найдём.

Корнилов что-то сказал по-туркменски своим спутникам и те ускакали.

Сорокин спустился в погреб, взял оттуда всё необходимое для обработки раны и кружку холодной воды.

Полковник с удовольствием выпил холодной воды.

– Хорошо. В июне здесь всегда пекло, – сказал Корнилов.

Сорокин кивнул, соглашаясь, и умело и ловко перебинтовал раненную руку подполковника. Корнилов оделся.

– Температуру померить надо, ваше высокоблагородие.

– Зачем? – удивился Корнилов.

– Так положено.

– Ну, если положено... Мы люди военные, придётся подчиниться. Только какое я «высокоблагородие?» Мы с тобой одного поля ягода, фельдшер. Ты линеец?

– Так точно, казак Линейного Кубанского войска, станицы Петропавловской.

– Вот. А я казак Сибирского линейного войска, станица Каркаларинская. Только я там жил до одиннадцати лет, потом мы в Зайсан перебрались. Каркаларинскую плохо помню: с трёх сторон горы, с четвёртой – степь, жара, пыль, нищета. Ты, говорят, в шахматы весь полк переиграл?

– Ну, не весь, – улыбнулся Иван, – а рядовые больше шашки любят.

– А ты?

– Не знаю. И то и то, но шахматы больше.

– Так давай сыграем в шахматы, пока ты мне температуру мерить будешь.

– Как прикажете, – согласился Сорокин.

– Тебе сколько лет, казак?

– Восемнадцать. Девятнадцать в декабре будет.

– А мне тридцать три в августе. Не велика разница. Как звать?

– Иван.

– А меня – Лавр. Называй меня на «ты». Мы с тобой ровня, одного казацкого сословия. Неси, Ваня, шахматы и градусник.

Сорокин принёс градусник и шахматы. Корнилов засунул градусник подмышку, расставили фигурки на шахматной доске. Иван взял в ладони две пешки – белую и чёрную. Руки спрятал за спину. Подполковник дотронулся до правой руки, ему выпало играть чёрными.

– Ходи, – сказал Корнилов, – а я в девятнадцать лет поступил в Михайловское артиллерийское училище.

Сорокин сделал ход, Корнилов тоже.

– Ты хорошо учился, Ваня?

– Хорошо.

– Я тоже. Я эти погоны своим умом добыл. Нас в школе в Каркаларинской было всего двадцать три человека учеников разновозрастных, а учили нас старые казаки. Чего сами знали, тому и учили. Потом в Зайсан мы переехали, отцу жалование повысили, земельный надел побольше дали. У твоей семьи, Иван, много земли-то?

– Много, хозяйство большое. Мельницу имеем. Лошади, коровы овцы, свиньи, куры, гуси – всё как положено.

– О, да ты из зажиточных. А ты высокоблагородие. А я голь перекатная. Будешь учиться, Ваня, тоже высокоблагородием будешь. Я всю жизнь учусь. Шах? О, ты какой! А я так. Учиться надо, Ваня. В тринадцать лет в Сибирский кадетский корпус поступил. Учился хорошо, потому и в Михайловское артиллерийское училище приняли. Отучился, и меня сюда направили, в Туркестан, в Ташкент, на Туркестанскую артиллерийскую батарею. Репетиторством подрабаты-

вал, семье помогал и самообразованием занимался, языки учил. У меня мать киргиз-кайсачка, а зная один тюркский язык, другие выучить не так сложно, но фарси, персидский, то есть, дался тяжело, но – осилил.

Корнилов продекламировал что-то ритмичное на неизвестном языке.

– Красиво? – спросил.

Сорокин неопределённо пожал плечами:

– И что это?

– Стихи. Персидский поэт Фердоуси:

Все в мире покроется пылью забвенья,

Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:

Лишь дело героя да речь мудреца -

Проходят столетья, не зная конца.

О том поразмыслив, что ждёт впереди,

Цель, выбрав благою, к ней прямо иди.

– Потом Академия Генерального штаба, – продолжил Корнилов, – и через три года, в ноябре 98 капитан Корнилов прибыл в кишлак Патта-Гиссар, что рядом с Термесом, там находится Амударьинская пограничная бригада. Шах. На твой градусник, надоел он мне, нормальная у меня тем-

пература.

– Да, действительно. Я вот так пойду.

– Иди.

– И через пять лет подполковником стали? Стал, – поправил себя Иван. – Без войны, безо всего?

– Да. Ходи. А что война? Всегда между государствами имеется какое-то напряжение. Англичане из Индии на север лезут, мы из Туркестана на юг. Мы, думаешь, зачем здесь под Ашхабадом стоим? Потому, что англичане там, в Персии и Афганистане, инородцев на нас науськивают. Плохие, мол, русские, кровь вам несут. А знаешь, почему мой отец в Зайсан переселился? Нет? Я расскажу. Договор мы заключили с Китаем и часть Илийской долины им отошла. А мусульмане не захотели жить под китайцами, побежали под защиту русских штыков, спрятались за спины плохих русских. Резали их китайцы. Вот и пришлось там укрепления возводить и сибирских казаков на юг переселять. Китайцы России за те земли девять миллионов рублей дали, так сказать за наведение порядка в крае. Но не в этом дело. Англичане копошились там, в Афганистане и здесь в Персии. Там для афганцев они крепость построили по последнему слову европейской инженерной мысли. А мы не знали ни как к ней подобраться, ни что она из себя представляет. Мне дали негласное поручение в генеральном штабе узнать у местных что, где, чего. Да у них разве узнаешь? Туркмены только смеются, говорят: «Таксыр, съезди, узнай».

– Таксыр – это что?

– Господин. Пришлось ехать. За это мне дали выговор, а моему командиру, генералу Ионову – строгий выговор.

– За что, Лавр Георгиевич?

– Как за что, Ваня? Если бы меня поймали, то меня бы афганцы лишили головы, в лучшем случае, а между Россией и Англией разразился бы дипломатический скандал, хотя Афганистан и не был колонией Англии, но был от неё очень сильно зависим. А где ты так в шахматы научился играть?

– Да был у нас в станице один грамотный хохол, Василий Степанович Пустовойт, учёный, всё пшеницей нашей интересовался. Вот он и научил.

– Ты хороший ученик, Иван, даже я вспотел, с тобой играя. Мат.

Сорокин сделал удивлённое лицо:

– Как?

– Вот так.

– Ловко.

– А ты думал.

– А отыграться?

– Ягши. Расставляй.

На этот раз Корнилов играл белыми.

– А как же ты, Лавр, за подвиг, как я понял, умудрился выговор получить?

– Ха, Иван! Так это же Россия, тут всё возможно. Наказать-то наказали, да потом поручения стали давать. Я же до

самого Индийского океана добрался. Отсюда и подполковник.

– Как та крепость называлась?

– Дейдади. Она и сейчас так называется. Ты что окончил, Иван.

– Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу. С отличием.

– Здесь отслужишь, иди дальше учись.

– Подумаю.

– И думать нечего. Ваше высокоблагородием станешь.

– Подумаю. Так рассказывай про крепость, ваше высокоблагородие.

– Там ничего интересного. Без приключений. Англичане, думаю, до сих пор не знают, что я там был

Корнилов засмеялся.

– Ладно, Лавр, рассказывай. Шах. Опыта я должен набираться у старших по званию?

– Ну, хорошо, ягши. Слушай. Прибыл я в Патта-Гиссар в ноябре 98 года. А в разведку пошёл в середине января уже следующего года. Генерал Ионов постоянно жаловался, что крепость Дейдади в пятидесяти верстах от нашего берега, а добраться до неё нет никакой возможности, и поэтому никаких сведений об укреплении на границе мы не имеем. Дейдади не одна крепость, просто она построена англичанами, но были и другие крепости, построенные афганцами. А про Дейдади слухи ходили разные. Кто говорил, что это обычная

азиатская калá с глинобитными стенами, а кто говорил, что она построена по последнему слову фортификационного искусства. Короче надо было проверить. Я подумал, что самый простой способ раздобыть сведения об афганских укреплениях, это пойти и съездить туда, всё зарисовать, а ещё лучше – сфотографировать.

– А до вас, подполковник, никто не догадался съездить и посмотреть?

– А как? Посмотри вокруг: ни одного кустика до самого горизонта. Там такая же местность, такие же горы, только напротив Афганистан, а не Персия. Тайно никак не проскочишь, надо притвориться местным инородцем, а это кроме меня никто не может сделать. Я тебе говорил, что зная один тюркский язык, легко выучить другой. Через месяц я говорил по-туркменски, так же как и сами туркмены. Изучил их повадки, жесты. И сдружился с местными. Туркмены мне нравятся: гордые, смелые. Особенно я сошёлся с двумя братьями: Бекдурды – старший брат и Амандурды – младший, он был с той, другой стороны. Вот с ними я и договорился, что они будут у меня проводниками, но с условием, что в плен я не сдамся. Я им пообещал, что если что – я застрелюсь.

– И вы бы сдержали слово, Лавр?

– Конечно. А как иначе? Туркмены народ дикий, не цивилизованный, если они дали слово, то обязательно его выполнят. Что ж, по-твоему, я буду срамиться перед инородцами?

К тому же, попав в плен, если мне повезёт, то мне просто отрубят голову, а если не повезёт, то снимут кожу с живого или на кол посадят. Лучше пуля в лоб. Да и подвёл бы я своих провожатых. И будут обо мне туркмены-эрсары сказки рассказывать, что, мол, был тут один русский трус, даже застрелиться испугался. Зачем мне такой позор?

– Это верно и здесь не так инородцев, как своих подведёшь.

– Правильно. Честь офицерская не должна быть пустым звуком. В общем, собрались мы. У ИONOва я взял отпуск на три дня, он отпустил, даже не спросил: где я тут отдыхать буду? Я наголо побрился, усы подстриг, как подобает истинному мусульманину, надел халат, такой же, как этот, папаху. Поздно вечером подхожу к месту встречи, туркмены стоят, трёх жеребцов под уздцы держат. Ты же знаешь, Иван, что джигитам сесть на кобылу или мерина позор из позоров?

– Знаю.

– Я подхожу, поздоровался, а Амандурды отвечает: «Иди, путник, не останавливайся». Я говорю: «Кого ждёте?» А Бекдурды нагло так отвечает: «Кого надо, того и ждём, иди путник». Я говорю: «Куда идти? Я с вами собрался. Какой мой жеребец?» Они чуть не на колени падают: «Таксыр! Ты?» «Ну, – говорю, – похож я на туркмена?» «Истинный эрсары, – отвечают». Ну, поехали. Аму-Дарья река быстрая, так просто не переправишься, верстах в сорока есть место, где можно переправиться на другой берег и то не вброд. Одежду

на бурдюки, надутые воздухом и вплавь. Вода холодная. Это как раз напротив городка Чушка-Гузарь. Там передохнули, поменяли коней и вперёд. Январь-месяц, погода не жаркая, можно и днём ехать. Ехали по пустыне, которая была мертвее мёртвой.

– Это как понимать? – удивился Сорокин.

– А так. Повсюду были видны развалины кишлаков, недавно брошенных, стены, минареты. Амандурды с горечью мне сказал: «Видишь, таксыр, это земля моего народа. Ещё недавно здесь была жизнь – цвели сады, в арыках журчала вода. Но вот пришли пуштуны и посмотри, что стало». Пуштуны – это афганцы. Рядом с Чушка-Гузарь расположены укрепления, обычная тюркская кала, но не брошенная, за ней ухаживали, займи её гарнизон в случаи войны и она будет твердыней. На ней решил попрактиковаться в фотографировании. Мне Генеральный штаб выделил фотографический аппарат, новая американская разработка. Это не такой ящик на ножках, перед которым стоишь полчаса, а такая деревянная коробка с объективом, внутри плёнка на сто кадров. Они бы, какой прицел, что ли придумали бы, эти американцы, а то непонятно, что фотографируешь. Ладно бы результат сразу бы виден был, а то плёнку надо проявить, фотографии напечатать. Фотографировали, не слезая с седла, под шеей лошади. Нижняя челюсть и губа жеребца получились великолепно, а вот всё остальное...

Младшей фельдшер засмеялся и, улыбаясь, произнёс:

– Мат.

– Эх, я заболтался. Ладно, давай ещё.

И Корнилов принялся расставлять фигуры.

– Дальше-то, что было, Лавр Георгиевич?

– Дальше? Ехали полдня и всю ночь. Я не просто так ехал, съёмку местности делал в масштабе шесть вёрст в дюйме. Ещё одна крепость – Шор-Тепе, город Балх в развалинах. Такой край сгубили! А рано утром к Дейдади подъехали. Туман с гор спустился. И так не понятно, что снимаем. Здорово было бы: раз нажал на кнопку и из ящика фотография выползла. И сразу понятно, что снимал.

– Может быть, когда и придумают, – сказал Сорокин. – Хотя не понятно: как это можно сделать.

– Но этот фотоаппарат – настоящее чудо техники – как-то сделали. Ладно, идём дальше... Я вот так пошёл. Топчемся мы на лошадях возле крепости, внимания привлекаем, фотографировать нельзя. «Что в таком случае делают туземцы? – спросил я своих проводников». «Идут в чайхану, – последовал ответ». «Ягши, – сказал я, – идём». «Ты не совсем туркмен, таксыр, – сказал Бекдурды». «Я не совсем и русский, – ответил я, – пошли». Зашли в чайхану, попросили лепёшки, чай. Мы спокойно разговаривали, сидя по-восточному на ковре, наслаждаясь едой и чаем после дороги. Вокруг пуштуны, видимо, солдаты гарнизона крепости. Никто ничего не заподозрил, не узнал во мне не туркмена. Вскоре туман рассеялся, и мы поехали фотографировать крепость.

– Шах, господин полковник.

– Здорово ты меня поймал. Тогда я сюда.

– И проститесь со своей королевой.

– Ферзём.

– Какая разница, всё равно проститесь.

– Можно и возродить.

– Вы хотите пешку провести в ферзи?

– Почему бы и нет?

– Вряд ли получится.

– А я попробую.

– Пробуйте. Так что было дальше?

– Туман рассеялся, и мы поехали фотографировать и снимать размеры крепости. Европейская работа, англичанка постаралась.

– Так вот просто взяли и поехали?

– А как ещё, Иван? Взяли и поехали.

– И вас не заподозрили?

– Почему? Заподозрили. Из крепости выехал офицер-афганец с солдатами и спросил, что тут делают три туркмена. Я поклонился и ответил ему на фарси: «Эмир Афганистана, Великий Абдурахман, собирает воинов. Мы едем к нему на службу». «Да будет благословенно имя эмира Абдурахмана, – воскликнул офицер». А мы дружно ответили: «Да благословит его Аллах!»

– А вы, полковник, нательный крестик снимали, когда туда поехали?

– Нет, а зачем? Это большой грех, а я верующий. Я когда часть своего офицерского жалования отправляю туда, к своим в Зайсан, я всегда прошу сестру, что бы она отнесла немного денег в наш храм, может быть, поэтому мне и везёт.

– А нашли бы?

– Нашли бы на мёртвом теле. А тому офицеру я, видно, понравился. Он сказал: «Ты не богатырского сложения, джигит, но чувствую, что ты будешь великим воином. Дарю тебе Великую Книгу, написанную нашим эмиром Абдурахманом, да благословит Аллах его имя, называется она «Джихад». Читай её и перечитывай, и ты станешь великим воином». С этими словами он достал из чересседельной сумы книгу и протянул её мне. Я с почтением её взял и подумал: «Знал бы этот офицер, кому он передаёт книгу». И сразу же у меня в голове всплыли строчки бессмертного «Шах-наме»:

Скажи, ты правдивым был в жизни всегда?

Тебя обману я, ответивши – да».

– Вас мучает совесть, подполковник? – удивился Иван.

– Да. Не люблю людей обманывать, хотя и приходится.

Честь офицера ложь не предполагает.

– Так они же враги.

– Враги, – согласился Корнилов. – Книга эта «Джихад» очень ценная: надо знать мысли своих врагов, её, наверное, в Петербурге до сих пор изучают. Джихад – это война с неверными.

– Так англичане тоже не мусульмане?

– Но мы более неверные, чем они. В общем, набросал я план Дейдади, сфотографировал саму крепость, дорогу к ней и дорогу от неё. После чего двинулись назад. Прошли мимо города Мазари-Шариф, осмотрели крепость Тахтапуль. За Сиягыртом начались пески. Мы ехали по ним долго, петляя между барханами. И Бекдурды вдруг сказал: «Брат Амандурды, ты хорошо знаешь дорогу?» «Я знаю дорогу, – ответил Амандурды». «Тогда смотри, брат: вон та башня, когда мы вошли в пески, была у нас слева, а теперь она справа». «Да, мы петляем среди барханов, – сказал Амандурды». «Что-то мы далеко не ушли, нам надо на север, небо заволокло тучами, куда идём не понятно. Таксыр, у тебя есть компас?» «Компас? – я удивился. – Я подумал, что туркмен с компасом вызовет подозрение». Бекдурды засмеялся и сказал: «А туркмен с этой коробкой подозрений не вызовет? Да ещё что-то карябаешь на бумаге». Я вёл записи в блокноте, писал я на фарси и подумал: «Действительно глупо: записи, фотоаппарат. Всё это выдаёт в нас шпионов». «Можно налить в плошку немного воды, опустить туда бумажку, на бумажку положить иголку, предварительно натерев её о шерсть, и она покажет юг». Бекдурды посмотрел на меня как на сумасшедшего: «Юг, таксыр, там, – он указал на башню, – а нам надо на север к реке, но в этих барханах, мы немного заблудились. А воду на всякую ерунду не расходуют, это большой грех». «Ничего мы не заблудились, – возразил ему Амандурды, –

здесь где-то есть тропа контрабандистов, просто её надо найти». Поплутав ещё немного, мы нашли эту тропу. Туземцы с нашей стороны, снабжают оружием своих соплеменников на другой стороне. Пограничная стража смотрит на это сквозь пальцы, так как это оружие в основном используется против наших потенциальных врагов – пуштунов. К вечеру мы вышли к Аму-Дарье, прямо к острову Арал-Пайгамбару, где в это время охотились казаки тринадцатого батальона. Они перевезли нас на лодках на нашу сторону. А на следующий день я докладывал генералу Ионову о своём отпуске. То, что он был удивлён, это мягко сказано. Он-то думал, что я с молодой женой три дня отдыхаю. Да, я сильно рисковал, но оно того стоило. И вот моя пешка становится ферзём.

– Ловко. Тогда я пойду...

– Никуда ты не пойдёшь, Иван. Одновременно это ещё и шах мат: король умер по-персидски. Ладно, засиделся я с тобой, пойду докладывать начальству о результатах разведки. До свидания, Ваня, ещё увидимся.

Корнилов ловко вскочил на коня и умчался. Больше они не виделись. Вернее, Сорокин видел Корнилова мельком, издалека, а в августе он и вовсе исчез, говорили, что подполковника перевели в другое место, на Дальний Восток.

Сорокин окончит Тифлисскую школу прапорщиков, дослужиться до звания подъесаула в Первую Мировую войну.

Через пятнадцать лет в марте 1918 года Добровольческая армия Корнилова будет прорываться в Екатеринодар, а на

пути её встанет Юго-Восточная Революционная армия командарма Автономова, но командовать ею будет фактически Иван Лукич Сорокин. Корнилов проведёт свою армию до Екатеринодара и оборонять город от шести тысячной Добровольческой армии будет тридцати тысячная армия того же Сорокина. Корнилов погибнет 31 марта, и люди Сорокина выкопают его тело возле немецкой колонии Гнабау, что бы убедиться, что это именно он, прославленный генерал Корнилов. Тело генерала сожгут, а пепел развеют на окраине Екатеринодара, в Садах.

Командарм 11-й красной армии Иван Лукич Сорокин 1 ноября 1918 года получит пулю в лоб во дворе ставропольской тюрьмы от своих же.

При других обстоятельствах эти два талантливых полководца могли бы служить своей родине России, а не воевать друг против друга. Но судьба распорядилась иначе.

04.09.2020 г.